

УДК 1(091)

Н. Х. Орлова

Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФСКИЕ ШТУДИИ НА БЕСТУЖЕВСКИХ КУРСАХ¹

Анализируется формирование традиции философской подготовки на Высших женских (Бестужевских) курсах, которые открываются под влиянием идей о равноправии мужчин и женщин. На основе архивных документов и воспоминаний современников показано, что лекции для слушательниц читали ведущие профессора Петербургского университета по тем же университетским программам, что и для университетских студентов, и эта традиция выходила далеко за рамки формального чтения курсов философии и логики. Приводятся примеры участия курсисток в серьезных издательских проектах, становления их как полноправных членов Петербургского философского общества и включения в преподавательскую деятельность.

Бестужевские курсы, Санкт-Петербургский университет, М. Безобразова, В. Половцова, А. Тумаркин, русская философия, Философское общество, «женский вопрос»

«На том же соборе поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком. Однако после того как он получил от епископов разъяснение, он успокоился. Ибо священное писание Ветхого завета это поясняет: вначале, где речь шла о сотворении богом человека, сказано “...мужчину и женщину сотворил их, и нарек им имя Адам” [Быт. 5:2], что значит – “человек, сделанный из земли”, называя так и женщину и мужчину; таким образом, он обоих назвал человеком. Но и господь Иисус Христос потому называется сыном человеческим, что он является сыном девы, т. е. женщины... Этим и многими другими свидетельствами этот вопрос был окончательно разрешен».²

Обзор философской рефлексии русских мыслителей с середины XIX в. на так называемый «женский вопрос», который активно дискутировался в западной Европе (Спенсер, Милль, Конт, Вейнингер и др.), показывает, что российское общество чутко реагировало на эти темы, отвечало полемическими публикациями. В дискуссии вовлекаются писатели, общественные деятели, философы. В современной историографии издано значительное число библиографических справочников, которые освещают публикационный дискурс того времени по проблеме «женский вопрос» (см. например: [2], [3], [4]). Различают либеральный дискурс (А. Амфитеатров, П. Безобразов, Л. Петражицкий, В. Розанов и др.), ортодоксальный (П. Бакунин, Н. Страхов, Л. Толстой и др.), социалистический (К. Каутский, В. Ленин и др.), феминистский (З. Венгерова, А. Евреинова, М. Лялина, П. Стасова и др.). Бурное обсуждение «женского вопроса» на русской почве с неизбежностью включало в себя тему расширения прав женщин в образовании, проблемы совместного обучения, доступ в профессию. В данной статье автор опирается на этот вектор тех дискуссий: в них определялось отношение к возможности доступа женщин в систему образования, как в целом, так и специального профессионального, которое открывало перед ними двери в профессию, уравнивало в экономических правах и возможностях. Университетское образование в этом смысле обеспечивало доступ в

¹ Работа выполнена в рамках международного исследовательского гранта NCN № DEC-2017/25/B/HS1/00530.

² Речь идет о Маконском Соборе (585 г.), на котором инициируется вопрос о правомерности употребления слова *hoto* (человек) к женщине [1, с. 230].

научные элиты, в академическое сообщество. Периодика второй половины XIX – начала XX в. обязательным образом включает полемические статьи на эти темы. Журнал «Женское образование» был своего рода дискуссионной площадкой, которая сегодня в исторической ретроспективе позволяет воссоздать направления и динамику изменений в системе женского образования. Уже то, что название журнала к концу XIX в. меняется на «Образование», свидетельствует о том, что к этому времени в обществе в целом и в академической среде в частности сложилось понимание, что острота вопроса если не снята, то выведена в иную плоскость.

Анализ взглядов большинства участников полемики о женском вопросе, о включении женщин во все социальные институты на равных с мужчинами основаниях показывает, что даже самые прогрессивные не могли оторваться от доминирующих стереотипов. В. В. Розанов, при всем выделяющем его пиетете к женщине, брезгливо писал именно об ученой женщине, которая «синий чулок», «стриженная» и «ходит на курсы, на митинги, спорит, ругается, читает, переводит, компилирует» [5, с. 277]. Бакунин отдельную книгу посвятил тому, чтобы убедить общественность, что женщину недопустимо включать в систему профессионального образования, так как это создаст жесткую конкуренцию мужчинам, и они совсем «сопыются» и потеряют свой статус [6]. Выходило изрядное число работ, в которых обосновывались сомнения по поводу биологических и умственных способностей женщин к наукам и профессии.

Дискуссия по «Крейцеровой сонате» [7], стенограмма которой вышла в начале века отдельной книгой под названием «Сущность брака» [8], достаточно ярко отражает положение вещей. К слову сказать, «назначение» женщины в контексте институтов брака и семьи, было самым сильным аргументом не в пользу расширения прав женщин в образовании и профессии. Наиболее традиционный дискурс апеллировал к деструктивным трансформациям этих институтов, связывая их с отказом женщин соблюдать традиционный гендерный контракт.

Когда в 1861 г. в формате обсуждения проекта нового устава университетов Департамент народного просвещения предложил профессуре университетов высказаться о «допущении вообще» женщин, об условиях «при таком допущении» и о правах и возможностях ученых степеней как доступа в профессию, было понятно, что пришло время, когда решения этого вопроса не избежать. Но было также очевидно, что решение это будет разделено на три вектора, для каждого из которых предстоит готовить общественное мнение, академическое сообщество, правовые институты, саму организацию университетов. Итоги дискуссии университетских профессоров были изданы отдельной книгой под названием «Замечания на Проект Общего устава императорских российских университетов» [9]. Профессура Харьковского, Санкт-Петербургского, Казанского университетов, а также университета св. Владимира дали в целом положительные ответы. Особую позицию занял совет Московского университета, который ответил на предложенные вопросы категорически отрицательно. В крайне лаконичном ответе использовались такие выражения, как «не допускать», «ни под каким предлогом», «вредное влияние».

Привлекательным компромиссом для правительства в то время стала идея организации при университетах отдельных высших учебных курсов для женщин, но и на ее полноценное превращение в жизнь понадобилось больше десятилетия. Споры, описанные в книге, всего лишь ознаменовали начало этих процессов. Ситуация в науке заметно меняется к началу XX в. За рождающаяся во второй половине XIX в. традиция университетского образования для женщин сыграла здесь свою ключевую роль. В университетских аудиториях, лабораториях, научных кружках формировалась академическая элита «женского рода». Однако еще долго диплом лю-

рых российских высших женских курсов, в отличие от университетского диплома, не давал их обладательницам широких прав на профессию. Летописи выпускниц дают представление о том, что самой доступной для них была лишь преподавательская деятельность (см., напр. [10]). На решение поставленных вопросов, на «привыкание» общества, академического в том числе, к ученой женщине как норме, ушло в общей сложности около пятидесяти лет.

И все же идея университетского образования для женщин институализируется именно с помощью Высших женских курсов. В их стенах женщина не только номинально получала некий набор знаний, непосредственно соприкасались с академической традицией научного творчества, но, что самое важное, преодолевали культурные стереотипы о невозможности присутствия женщины в науке. В отчетах подчеркивалось, что Высшие женские курсы в России – это учебные заведения «с общеобразовательным академическим характером и методом преподавания» [11, с. 19]. Уникальность многих курсов заключалась в том, что, не будучи формально подчинены университетам, они функционировали по университетским программам под патронажем университетских профессоров, а иногда и в стенах университетов. Надо сказать, что Министерство народного просвещения не имело твердой позиции по вопросу высшего женского образования, периодически пересматривало правила, предписывало закрывать прием. Так 1869 г., т. е. через восемь лет после обсуждения проекта устава, в Москве были открыты так называемые Лубяньские курсы; в 1872 г. открылись курсы профессора В. И. Герье, имевшие схожий статус, но и те и другие просуществовали сравнительно недолго: в 1886 г. их закрыли под предлогом пересмотра правил. Только в 1901 г. Московские высшие женские курсы вновь получили разрешение начать работу. Ни средств, ни собственного помещения у них не было, поэтому университетскому уровню эти курсы стали соответствовать не сразу.

Более благоприятная судьба сложилась у женского образования в Петербургском университете, в котором уже с 60-х гг. XIX столетия становится обычным присутствие вольнослушательниц в университетских аудиториях. Начинает складываться прогрессивная для того времени практика заинтересованного отношения к высшему женскому образованию. Формально (как отмечается в Летописи университета) в 1858 г. университетским преподавателям разрешено читать в залах университета публичные лекции для всех желающих слушателей мужчин и женщин [12]. И осенью 1859 г. появляются первые вольнослушательницы.

В воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева читаем: «Раз в осенний семестр 1860 г. сидим мы, студенты-юристы второго курса, в IX аудитории и поджидаем профессора Кавелина, аудитория, как всегда на его лекциях, полным-полнехонька: Константин Дмитриевич был тогда в зените своей популярности. По времени входит Кавелин, но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показалась фигура ректора П. А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин, как ни в чем не бывало, прочел свою лекцию. Не думаю, однако, что на этот раз все прослушали лекцию с тем вниманием, как это обыкновенно бывало. То же повторилось и на следующей лекции; затем Кавелин сам несколько раз вводил барышню, а потом она стала появляться в аудиторию одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из общих столов» [13, с. 62–65].

Таким образом, прошение инициативной группы об открытии курсов для женщин в Санкт-Петербургском университете было подготовлено культурным запросом того времени. Как известно в ответ на это прошение совет университета не только одобрил саму идею, но и взял на себя обеспечение учебного процесса. В 1878 г. в Петербурге открываются Высшие женские (Бе-

стужевские) курсы, которые были формально независимы от университета, но фактически их профессорско-преподавательский состав был университетским. Профессора читали лекции для бестужевок по тем же университетским программам, что и для студентов [11].

Конечно, речь идет лишь о появившейся у женщин возможности быть вольнослушательницами и курсистками, а до полноценного статуса студентки университета еще почти столетия. Вместе с тем набиравшие силу идеи равноправия полов способствовали своего рода «привыканию» к необходимости организации высшего образования для женщин. К тому же европейские университеты начинают открывать свои аудитории для женского образования. Русских студенток в некоторых из них по статистике было до 80 процентов. Об этом времени историки пишут, как об уникальном периоде массового отъезда русских женщин в европейские университеты [14].

Надо сказать, что XX в. уже не был так категоричен в решении вопроса о доступе женщин в систему высшего образования. И Санкт-Петербургский университет играл здесь авангардную роль. Судьбоносным следует признать решение Государственного совета от 30 мая 1910 г. о приравнивании свидетельства об окончании ВЖК к выпускному свидетельству университета. Вскоре бестужевкам было предоставлено право сдавать государственный экзамен в Петербургском университете вместе со студентами. Это открывало доступ женщине в научную и преподавательскую сферы.

В 1914 г. 16 марта впервые в университете защищается магистерская диссертация женщиной Марией Андреевной Островской. Во время этого первого «женского» диспута зал в Петербургском университете был переполнен. Председательствующий декан Ф. А. Браун в своем поздравлении отметил, что «в лице г-жи Островской женщина добилась важной культурной позиции, на которой, надо надеяться, ...не будет одинока» [15, с. 12]. Общий дух как среди преподавателей, так и среди курсисток – это устремленность в науку, «стремление к всеобщей культуре».

В предлагаемой статье не ставится задача развернутого освещения всей истории университетского образования для женщин, об этом написано значительное число работ, поэтому сошлемся, например, на В. А. Веретенко [16]. Особый интерес представляет, как русское философское сообщество включало в свои границы (писательские, дискуссионные, образовательные) женщину-мыслителя. Корпус имен профессуры, архивные документы образовательных курсов, стенограммы заседаний и труды философских собраний, семинариев, совместные издательские проекты, архивная переписка – все это позволяет реконструировать общую картину включения женщины в систему философского образования в России до 1917 г.

В академическое философское сообщество курсистки включаются в первую очередь через профессуру Бестужевских курсов, через философские семинарии, публичные лекции, кружки, которые организовывались и проводились как для бестужевок, так и для широкой публики, интересующейся философией.

Включение бестужевок в традиции философского образования (1878–1918) осуществлялось блестящим профессорско-преподавательским составом: А. И. Введенский (1889–1918), М. И. Владиславлев (1878–1880), М. И. Каринский (1882–1889), И. И. Лапшин (1896–1916), Н. О. Лосский (1907–1918), С. И. Поварнин (1915–1916), Э. Л. Радлов (1878–1884), Вл. С. Соловьев (1879–1882), В. Н. Сперанский (1909–1918), А. И. Сырцов (1915–1916), С. Л. Франк (1907–1916).

Воспоминания бестужевок позволяют реконструировать атмосферу отношений курсисток и профессуры, уровень доверия, требовательности и ответственности. Например, о профессоре

Н. О. Лосском, которого они боготворили и над которым с любовью подшучивали, что он «от ума облысел» и «состоит в родстве с премудрой крысой Онуфрией» [17, с. 6]. Профессор А. И. Введенский читал введение в философию, логику с дополнительным разделом задач по логике и историю философии (древней, средней и новой); желающих присутствовать на его занятиях было так много, что он читал в актовом зале [17, с. 7]. «Проф. Александр Иванович Введенский славился своими лекциями, такими глубокими по своему содержанию, которые он читал так талантливо, вдумчиво и этим заставлял нас тоже мыслить по-философски. Александр Иванович излагал основы кантианства так убедительно, отчетливо, указывая на все тончайшие извилины кантовской мысли, что его ученики невольно, можно сказать, становились тоже кантианцами» [17, с. 43]. И далее о том, что читали другие профессора, среди которых и блестящие ученики Введенского: Лапшин, Лосский, Поварнин.

Профессорско-преподавательский состав, который влиял на формирование философских взглядов бестужевков, практически целиком представлен именами, включенными в золотой список русской философии. Это было время, когда сама русская философия прирастала именами, самостоятельными учениями. Это также особый момент в истории русской философии, когда складывается логика на русской почве, разгораются жаркие дискуссии (об этом в статье [18]). В них вовлечены Введенский, Лосский, Лапшин, Поварнин, Каринский, которые читали бестужевкам, издавали для Бестужевских курсов учебники по логике, напрямую влияли на появление философской элиты «женского рода». Из воспоминаний узнаем забавный сюжет о том, что Введенский включал в программу экзаменов по своему предмету несколько пунктов под заглавием: «Заблуждения приват-доцента Лосского». Это был так называемый «билет № 63», где Введенский оппонировал своему противнику. «Если курсистка экзаменовалась у Николая Онуфриевича, то ей приходилось, смущаясь, конечно, разъяснять, в чем заключается его заблуждения, по мнению Введенского. Лосский выслушивал критику своего учителя в устах экзаменующихся с невозмутимым видом и даже поддакивал: “Да, да, Александр Иванович именно это говорит”» [17, с. 44].

Из летописей известны имена учениц, которые в силу особых успехов оставались по окончании на курсах для ведения научной и преподавательской деятельности [11, с. 52]. В разные годы на Бестужевских курсах преподавали философию Надежда Николаевна Шамонина (Платонова), Наталия Алексеевна Алексеева (Колубовская), Екатерина Ивановна Максимова (Сенская), Вера Акинфиевна Волкович, Ольга Михайловна Котельникова, Надежда Эдуардовна Мальцева (Веймар). Историкам философии еще предстоит вводить эти имена и их работы в корпус источников. Все они прошли через философскую школу университетской профессуры. К слову сказать, философия на историко-филологическом факультете выделяется в отдельное направление в начале XX в. Согласно данным справочника, в списке выпуска 1910 г. по этой специализации прошли подготовку Людмила Вячеславовна Вацлик, Дина Самуиловна Крым, Зоя Николаевна Морозова, Евгения Владимировна Яновская [19, с. 164].

Следует подчеркнуть, что курсистки активно занимались переводами на русский язык философских трудов западноевропейских философов. Здесь складывались весьма плодотворные творческие союзы. Известная история организации профессором А. И. Введенским перевода книги Виндельбанда [20] описана в статье А. В. Вострикова [21]. Особенность сюжета в том, что благодаря курсисткам, был сделан не только блестящий перевод и издан востребованный в то время учебник по истории философии, но средства от проекта курсистки жертвовали в пользу библиотеки *alma mater*. Библиотека Бестужевских курсов комплектовалась по

отделениям и направлениям. Философское направление было выделено в отдельное, во всяком случае, в каталоге это отдельная подгруппа «Философия, логика, психология и научная педагогика» [22, с. 19–45]. Корпус источников включает работы петербургских профессоров В. М. Бехтерева, А. М. Бутлерова, А. И. Введенского, М. И. Владиславлева, Н. Я. Грота, Н. Г. Дебольского, М. И. Каринского, Н. И. Кареева, К. Д. Кавелина, П. И. Ковалевского, Н. Н. Ланге, И. И. Лапшина, В. В. Лесевича, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, Вл. Соловьева. Здесь и женские имена: М. В. Безобразова, М. А. Кожевникова, Е. И. Конради, Е. И. Кудашева, Е. Ф. Литвинова, М. В. Сабина. И конечно, переводные издания, подготовленные бестужевками. К слову сказать, была традиция реферирования свежих публикаций из зарубежной периодики. Как свидетельствуют каталоги, в библиотеку Бестужевских курсов бесперебойно поступали не только «Журнал Министерства народного просвещения», «Вопросы философии и психологии», но и «Revue de philosophie», «Revue Philosophique», «Revue Psychologique» и др. По зарубежным журналам слушательницы готовили отреферированные обзоры, которые публиковались в том числе и в журнале «Вопросы философии и психологии».

Известна также замечательная серия неперидического издания под редакцией Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова «Новые идеи в философии», где публиковались в основном переводы современных западных философов. Например, в № 4 (1913) указаны переводчицы Е. С. Хацкельс (вып. 1912 г.), П. О. Эфруси (вып. 1915 г.), М. К. Гринвальд (вып. 1916 г.), в № 6 (1913) – О. С. Эльманович (вып. 1911 г.), в № 15 (1914) – К. М. Милорадович (вып. 1906 г.).

Курсистки переводили на иностранные языки и труды своих профессоров. Например, долгие годы такое сотрудничество сохранялось между Н. О. Лосским и Н. А. Эртель (Дедингтон). Она вспоминает, что, когда в 1913 г. ее профессор философии Дооз Хикс (Лондонский университет) предложил ей сделать доклад о Лосском, она перевела главу из его работы «Обоснование интуитивизма» и прочитала на заседании философского общества. И в дальнейшем, в том числе и в период эмиграции, она переводила его работы. В воспоминаниях еще одной бестужевки О. М. де Клапье (Вивденко) о Н. И. Карееве читаем: «он мне дал перевести на французский язык две своих статьи, решив, что мне это полезно и лестно, а ему удобно» [17, с. 21].

Курсистки организуют и самостоятельные публикационные площадки, как например, сборники «Цельное знание» под редакцией ученицы А. И. Введенского и Э. Л. Радлова Ксении Михайловны Милорадович. Издание заявлено как полемическое. Как подчеркивается в предисловии к этому проекту, сборники «должны быть посвящены разрешению вопроса, дает ли критическая работа последнего периода возможность разрешать вопросы цельного мировоззрения, которые являются жизненными вопросами философии, и как должна она отразиться на их разрешении. Мы избрали как начальную ступень пересмотр современных нам и стоящих на уровне наших научно-философских требований попыток дать разрешение основных проблем философии. В первую очередь мы поставили вопрос об отношении современной философии к религии, и едва ли надо объяснять, почему этому вопросу отдано первое место среди всех вопросов цельного знания» [23, с. 3]. Первый сборник был посвящен современным идеям в религиозно-философской мысли Франции.

Из социальной истории университетской повседневности курсисток реконструируется общая атмосфера философского сообщества в гендерной оптике, стратегии публикационной активности, профессионального сотрудничества, в том числе и с международным философским сообществом. И это невозможно сделать, не выделив «голос» женщин-мыслительниц.

Он туда не просто формально встроен, некоторые сферы деятельности философского сообщества он жизненно обеспечивал. Конечно, культурный контекст не подразумевал полной эгалитарности в этом союзе, тем более, что философский цех всегда был весьма закрытым, элитарным. Однако, несмотря на тяготение в то время к традиционному пониманию оппозиции мужского и женского, русское философское сообщество латентно было заинтересованно не в оппозиции, а в сотрудничестве. На праздновании 25-летия Бестужевских курсов от имени Санкт-Петербургского философского общества в поздравлении были сказаны такие слова: «эта знаменательная годовщина не только является праздником общерусского просвещения, но имеет еще ближайшее отношение к собственной жизни и деятельности Философского общества... Давно назревшая потребность в расширении нашей небогатой философской литературы находит живой отклик в их среде и целый ряд русских трудов в области философских наук, не только переводных, но и оригинальных, в том числе и собственные труды Философского общества, украшены именами питомцев ВЖК» [24, с. 54].

В списке членов философского общества при Императорском Санкт-Петербургском университете к началу XX столетия значатся имена уже хорошо известных в университетском сообществе женщин-ученых. Большинство из них связано с Бестужевскими курсами. Так, по данным на 6 февраля 1903 г. в протоколе среди «членов-учредителей» указаны: Мария Владимировна Безобразова, Екатерина Ивановна Максимова, Надежда Николаевна Платонова, Мария Александровна Холодняк, Вера Иосифовна Шифф. Среди «действительных членов» названы: Зинаида Афанасьевна Венгерова, Вера Акинфиевна Волкович, Софья Цезаревна Дехтерева-Кавос, Мария Николаевна Ефремова, Наталья Алексеевна Колубовская, Елизавета Федоровна Литвинова, Надежда Кузминична Михайловская (Скворцова), Софья Владимировна Панина, Александра Григорьевна Пашкова, Елизавета Васильевна Попова, Вера Викторовна Петухова, Елена Ивановна Беляева, Надежда Константиновна Вальденберг, Анна Васильевна Ганзень, Елизавета Васильевна Зелинская, Ольга Павловна Косаговская, Эмилия Георгиевна Крогиус, Мария Павловна Лего, Любовь Алексеевна Мальцева (Пушкарева), Вера Михайловна Невежина, Валентина Викторовна Петровская, Елизавета Ивановна Петровская, Антонина Васильевна Савицкая, Людмила Владимировна Лосская (Стоюнина), Мария Николаевна Стоюнина, Мария Никифоровна Соболева, Елена Митрофановна Середонина, Зинаида Константиновна Столица, Варвара Васильевна Тимофеева, Софья Ивановна Церетели, Анна Павловна Философова [25].

Конечно, представительство их, как следует из стенограмм, ограничено чаще переводческой и издательской деятельностью, секретарскими функциями, финансовой поддержкой философского общества, реже самостоятельными докладами и оппонированием.

На самом деле и это было не так просто для того времени. Первые и самые заинтересованные феминисты были именно мужчины, которые активно влияли на решение так называемого «женского вопроса» не только в контексте социальных прав и защит, но вовлекая дочерей, сестер, учениц в различные элитарные научные и творческие сообщества. Ольга де Клапье вспоминает свои ощущения от первого знакомства в качестве кандидатки с этой атмосферой: «В те времена главное “ядро” слушательниц состояло из семей петербургской интеллигенции. Дочери профессоров, докторов, адвокатов. Они не походили на ту легендарную, остриженную в кружок, в синих очках, в бесформенном черном балахоне пугало наших бабушек – “курсистку”» [17, с. 14]. Считать женщину способной вступить с мужчиной в по-

лемику на философском собрании, к этому большинство даже очень передовых мужчин того времени были не очень готовы. Однако изучение материалов философских обществ, стенограмм их заседаний, списков членства позволяет увидеть, что мужское философское сообщество предоставляло женщинам возможность не только номинально присутствовать в аудиториях, но было заинтересовано в сотрудничестве, в сопричастности женщин общему процессу академических штудий. Можно говорить об академическом союзе, в котором профессоры и бестужевок связывала идея служения науке. Под влиянием блестящей профессуры Петербургского университета формируется научная элита «женского рода».

Что касается собственно формального (квалификационного) признания принадлежности к цеху академической элиты, то до революции 1917 г. для женщин было больше возможностей именно в западноевропейских университетах. Там они получали докторские степени, активно занимались наукой, преподавали, публиковались, становились известными как иностранные ученые. Анна Тумаркин³ – пример женщины профессора философии, которой сегодня гордится Бернский университет как швейцарским философом. Были те, кто возвращались со степенями докторов наук в Россию, но продолжение научной деятельности, да просто возможность профессиональной реализации в соответствии с высочайшим уровнем их квалификации, были для них закрыты. Так Мария Безобразова, защитив в Германии докторскую диссертацию по философии, не смогла получить профессорской должности в российском университете [26].

Были и те, кто оставался заниматься наукой в зарубежном университете, но не терял контактов с российским научным сообществом. Пример Варвары Половцовой, которую считали первым русским философом Спинозистом. Редактор журнала «Вопросы философии и психологии» Лев Михайлович Лопатин не только охотно печатал ее работы, но также рекомендовал ее к избранию в действительные члены Московского психологического общества. Это случилось сразу после появления в 1913 г. объемной статьи Половцовой «К методологии изучения философии Спинозы» [27]. В том же году работа вышла отдельной книгой, где, по словам автора, были исправлены опечатки и добавлены кое-какие ссылки. Заметим, что первая философская публикация Половцовой в журнале «Вопросы философии и психологии» появилась в 1909 г. в весьма солидном окружении – Н. Бердяев, С. Булгаков [28]. В 1910 г. выходит русское издание лекций Бенно Эрдманна «Научные гипотезы о душе и теле» [29] в переводе и под редакцией В. Половцовой. Из указания на титульном листе понятно, что она в то время была доктором философии и ассистировала на философском семинаре Боннского университета.

И все же можно сказать, что русское философское сообщество было заинтересовано в привлечении женщин к развитию философского знания через организацию философского образования, через написание учебников, переводы новейших текстов западных философов, различные дискуссионные площадки и даже личные творческие союзы, в которых каждый играл свою важную роль.

³ Анна Тумаркина (1875–1951), первая в Европе женщина-профессор философии. На сайте университета Берна в разделе «История» есть запись: «1898 La première femme qui reçoit son habilitation à Berne est la philosophe Anna Tumarkin. Elle est aussi la première femme professeur honoraire (1906) et la première femme professeur extraordinaire (1909). URL: http://www.unibe.ch/universite/portrait/histoire/histoire_des_tudes_des_femmes/index_fra.html (дата обращения: 30.11.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турский Г. История франков / пер. с латин.; изд. и примеч. В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 461 с.
2. Высшие женские (Бестужевские) курсы: библиогр. указ. М.: Книга, 1966. 190 с.
3. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: материалы к библиогр. М.: Ладомир, 2002. 522 с.
4. Юкина И. И. История женщин России. Женское движение и феминизм в 1850–1920-е гг.: материалы к библиогр. СПб.: Алетейя, 2003. 234 с.
5. Розанов В. В. В темных религиозных лучах / общ. ред. и послесл. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 475 с.
6. Бакунин П. А. Запоздалый голос сороковых годов (по поводу жен. вопроса). СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1881. 458 с.
7. Толстой Л. Н. Крейцера соната [и др. произведения]. М.: М. В. Ключин, 1900. 160 с.
8. Сущность брака: обмен мыслей между Н. П. Аксаковым, Мирянином, В. В. Розановым, Рцы (И. Ф. Романовым), прот. Александром У-ским и С. Ф. Шараповым с прил. ст. свящ. М. И. Спасского / ред. и изд. С. Шарапов. М.: типо-лит. А. В. Васильева и К, 1901. 199 с.
9. Замечания на Проект общего устава императорских российских университетов: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1862. 533 с.
10. Петербургские высшие женские курсы. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах 1882–1889, 1893–1903 гг. / сост. Н. А. Ветвеницкая. СПб.: ценз. 1903. 242 с.
11. Высшие женские курсы в С.-Петербурге: краткая историческая записка 1878–1903 гг. СПб., 1903. С. 19.
12. Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724–1999 / под ред. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 421 с.
13. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 62–65.
14. Эндерлайн Э. Русские женщины в Швейцарии в XIX веке / Российские женщины и европейская культура: материалы V конф., посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб: Изд-во С.-Петерб. филос. общ. 2001. С. 71–78.
15. Санкт-Петербургский университет: отчет о состоянии и деятельности в 2003 г. / под общ. ред. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 348 с.
16. Веремченко В. А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX–начало XX вв.). СПб.: Изд-во Высш. адм. шк., 2004. 148 с.
17. Наша дань Бестужевским курсам: воспоминания бывших бестужевок за рубежом / Париж: Объед. бывших бестужевок за рубежом. 1971. 174 с.
18. Орлова Н. Х, Соловьев С. В. Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия // Логические исследования. 2016. № 2. Т. 22. С. 31–57.
19. Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов 1878–1918 гг. / сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 412 с.
20. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / пер. со 2-го нем. изд. Е. И. Максимовой, В. М. Неужиной и Н. Н. Платоновой; ред. и предисл. А. И. Введенского. Т. 1–2. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1902–1905.
21. Востриков А. В. Вильгельм Виндельбанд как жертвовател библиотеки Бестужевских курсов или История одного перевода // Материалы науч.-практ. чтений «...По утрам я читал, упражнялся в переводах...» («Библиотека в усадьбе»). 22–26 апр. 2015 г. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2016. С. 180–191.
22. Каталог Библиотеки С.-Петербургских высших женских курсов: ист.-филол. отд. СПб.: типо-литография «Герольд», 1908. 275 с.
23. Современные течения религиозно-философской мысли во Франции: сб. статей / под ред. К. М. Милорадович. Петроград: Тип. Н. П. Зандман. 1915. 171 с.

24. Празднование двадцатипятилетия С.-Петербургских Высших женских курсов. Спб., 1904. 120 с.

25. Список членов Философского общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1903. 32 с.

26. Ванчуров В. В. Женщины в философии: из истории философии в России. М.: Изд-во РУДН, 2009. 198 с.

27. Половцова В. Н. К методологии изучения философии Спинозы // Вопр. филос. и психол. 1913. № 118. С. 317–398.

28. Половцова В. Н. По поводу автобиографии Фр. Ницше // Вопр. филос. и психол. 1909. № 98. С. 501–520.

29. Эрдманн Б. Научные гипотезы о душе и теле / под ред. и предисл. В. Н. Половцовой. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 347 с.

N. Kh. Orlova

Saint Petersburg State University

PHILOSOPHICAL STUDIES AT THE BESTUZHEV COURSES

The article analyzes the formation of the philosophy teaching tradition at the Higher women's (Bestuzhev) courses. They were organized in 1878 at St. Petersburg University under the influence of ideas about the equality of men and women. The well-known University Professors delivered lectures for girl students in the same programs as for male students. It is shown that this tradition went far beyond the formal reading of philosophy and logic. Girl students participated in serious publishing projects, became full members of the St. Petersburg Philosophical Society, have been involved in teaching activities. We can talk about the academic Union, in which professors and girl students linked the idea of science. The scientific «feminine» elite was formed under the influence of brilliant Professors of St. Petersburg University.

Bestuzhev's courses, St. Petersburg University, M. Bezobrazov, V. Polovtsev, A. Tumarkin, Russian philosophy, Philosophical Society, "women's issue"
